

Саврасов Алексей
(к 175-летию со дня рож.)

81205.

Грачи прилетели

175-летие Алексея Саврасова в Третьяковской галерее

Галерея - 2005 -
8 дек с 30.

Сергей Сафонов

В минувший вторник ажиотаж по случаю открытия юбилейной выставки художника Алексея Кондратьевича Саврасова (1830—1897) в Инженерном корпусе Третьяковки был настолько велик, что музейный конференц-зал, нередко в подобных случаях пустующий чуть ли не на треть,

не смог вместить всех желающих. Даже если из числа собравшихся мысленно вычтешь тех, кто оказался на вернисаже сугубо по делу — музейщиков, коллекционеров, дилеров, журналистов, даже немногочисленных потомков мэтра, с чьим именем навсегда связано название и образ самой галереи, интерес к новой экспозиции оказался феноменальным. Что

и понятно: какую книжку о русском искусстве ни возьми, если в ней хотя бы бегло упоминается пейзажная живопись времен передвижников, непременно в качестве иллюстрации обнаруживается хрестоматийная саврасовская картина «Грачи прилетели» (1871). В крайнем случае написанный двумя годами позднее «Проселок».

Выставка в ГТГ стремится (и вполне с этим справляется) представить Саврасова как автора значительно большего числа произведений, в первую очередь живописных. Тут, кстати, есть даже некоторое открытие для неискушенной публики: оказывается, знакомый всем с детства несколькими «брендовыми» картинами художник был ой как плодovit. В Третьяковке показывают свыше сотни его живописных холстов (разумеется, это пейзажи) из разных музеев и частных собраний. А также вынесенные в отдельный зал графические листы, запечатлевшие древовидные папоротники, увиденные Саврасовым во время заграничных путешествий, панораму Москвы с Воробьевых гор и много чего еще. Но все-таки идешь по залам музея, разглядываешь все эти восходы и закаты, дубы-колдуны у поганых болот, лужи после дождя и при этом ищешь глазами: где?

Картина «Грачи прилетели» хоть и расположилась, оказывается, в самом центре экспозиции, неприметна, потому что вдруг оказывается значительно меньше того формата, какой мысленно был отведен ей заранее. Тут даже разочарование наступает: вроде столь популярное произведение

не должно было оказаться таким маленьким. Но у этой непосредственной встречи есть и свой плюс — возможность познакомиться с особенностями саврасовской живописи в оригинале. Найдя репродукции «Грачей» в изданиях разных лет и выложив их в ряд, корреспондент «Газеты» не обнаружил двух одинаковых воспроизведений. Получается, распространенное представление о всеобщей известности этой живописи — не более чем преувеличение.

Но такое соображение сгодится для тех, кого интересуют, так сказать, проблемы ремесла. Фокус в том, что, отправляясь смотреть подобные картины, публика часто путает живопись с самой природой. В вернисажной толпе то и дело слышались комментарии, произносимые с той очаровательной интонацией, что способна приравнять разглядывание произведения реалистического искусства к выглядыванию из окна: что там

у нас — снег, дождь или ясно? Если же подойти к выставке хотя бы в историко-культурном ключе, стоит помнить о том, что это для нас Саврасов — традиционнейший живописец; одна только его деятельность к просветительской вполне революционна. Впрочем, о какой-то особой оппозиционности Саврасова никогда речи не шло. Художник, в двадцать четыре года удостоенный звания академика по случаю успеха его картины «Вид в окрестностях Ораниенбаума» (1854), со временем получил возможность благополучно поехать на Всемирную выставку в Лондоне, посетить другие европейские страны. Написанного в поездках на выставке совсем немного, заметно разве что «Озеро в горах Швейцарии» (1866). Дарование живописца было органично применено в отечестве: образы Поволжья у Алексея Саврасова значительно более прочувствованны и убедительны.

